

СЛЕД ИСЧЕЗНОВЕНИЯ И НИТЬ ПАМЯТИ

ЕСЛЕДІ

Ольга Ефимова

18+

Ольга Ефимова

След исчезновения и нить памяти

«Автор»

2026

Ефимова О.

След исчезновения и нить памяти / О. Ефимова — «Автор»,
2026

Город тонет в серых сумерках, а в архивах множатся папки с делами, где имена перечёркнуты, а силуэты растворяются в дымке. Полиция видит только след: метки «Evidence», сухие протоколы, логику улики. Но героиня знает: настоящая правда живёт в мелочах — в пожелтевшем письме, в броши, которую носили годами, в камне у дорожки, к которому кто-то возвращался снова и снова. Расследование становится путешествием по памяти: каждая находка — это не просто ключ, а воспоминание, которое больно оживлять. Чем ближе героиня к разгадке, тем сильнее прошлое тянет её назад. Сможет ли она распутать клубок тайн, не потеряв себя?

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пустые рамки	5
Глава 2. Конверт без марки	8
Глава 3. Человек, который ждёт	11
Глава 4. Узкий круг	14
Глава 5. Папка за 2019-й	18
Глава 6. Банка	21
Глава 7. Ревзин	24
Глава 8. Двойное дно	27
Глава 9. Старый котлован	30
Глава 10. Подписи и голоса	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ольга Ефимова

След исчезновения и нить памяти

Глава 1. Пустые рамки

В четверг вечером Кира Соболева позвонила матери — единственный раз за последние сорок восемь часов, о котором достоверно знали все.

— Мам, я скоро покажу тебе серию. Она готова, — сказала она и рассмеялась. Смеялась она редко, и Ольга Павловна потом будет вспоминать именно это: не слова, а смех. Долгий, лёгкий, как будто дочь наконец выдохнула после года задержанного дыхания.

В двенадцать ночи телефон Киры отвечал короткими гудками. В шесть утра Ольга Павловна стояла у стойки дежурной части, прижимая к груди папку с фотографиями, — единственное, что она понимала в этой жизни безошибочно: дочь, которая обещает показать серию и смеётся в трубку, не исчезает молча.

— Она взрослая, — сказала дежурная, не поднимая глаз. — Заявление примем, но обычно в таких случаях объявляются к вечеру.

Нет она не объявиться моя дочь всегда приходит вовремя.

Елена Мельник услышала этот разговор случайно. Она стояла у кофемашины с кружкой, которую держала уже минуту, потому что забывала о ней, — и этот разговор её вернул.. Она отставила кружку и подошла.

— Пропавшая по какому адресу?

Дежурная подняла брови — мол, не твоё. Елена показала удостоверение коротким, отработанным движением, от которого брови возвращались на место.

— Квартира на Урицкого, 14. Мать у стойки.

Ольга Павловна была маленькой женщиной в сером пальто, которое было ей велико. Так одеваются люди, у которых утро началось не с выбора одежды, а с выбора между паникой и действиями — и действия победили, но пальто взяли первое попавшееся. Фотографии она выкладывала на стол медленно, бережно, как раскладывают вещи умершего: снимки городские. Улицы, лестничные пролёты, окна, пустые переходы. Люди на них были — но все размытые, повернутые спиной, пойманные затылками. Лиц не было вообще.

— Серия называется «Город без лиц», — сказала мать. — Она год над ней работала. Говорила: люди прячутся в городе, никто уже не смотрит друг другу в глаза, вот она их и не снимает. Умная у неё логика, да?

Елена смотрела на снимки и не находила в них умной логики. В них была тревога — та, которая пробирает через чужую работу, минуя сознание, раньше мысли. Пустой переход, заполненный людьми. Двор, где все стоят спиной. Перрон, где каждый уходит из кадра. Это была не философия. Это была хроника страха, снятая год назад человеком, который ещё не знал, чего боится.

— Когда вы видели её в последний раз?

— В среду вечером. Заехала за расчёткой, мы десять минут постояли у банка. Она была нормальная. Весёлая. Про серию сказала. — Мать сжала руки на коленях. — Она не из тех, кто обещает и не делает.

В пять минут седьмого они стояли в квартире Киры. Дверь открыли ключом из конверта, который дежурная выдала «для проверки условий проживания» — на языке бюрократии это значило: происшествия пока нет, есть только заявление.

Замок не был заперт. Не взломан, не отжат — просто не закрыт. Так закрывают, выйдя на минуту: с мусором, с почтой, с сигаретой на площадку.

Внутри квартира была чиста той чистотой, которая бывает после уборки или после обыска. Посуда вымыта и стоит на решётке. Кровать заправлена, уголки туго, по-гостиничному. На рабочем столе — компьютер, выключенный, стоит ровно по центру столешницы. Мать сказала, что Кира была человеком «вездетворческого беспорядка». Стола такого типа в этой квартире не было. Стол был пуст, как операционный до первого надреза.

— Ноутбуки? — спросила Елена.

— Рабочий она всегда носила с собой. А старый вон стоит.

Старый ноутбук был подключён к зарядке. Индикатор горел — ровный, зелёный. Кто-то выключил машину, но не выдернул шнур. Кто-то, кто собирался вернуться. Или кто-то, кто хотел, чтобы так казалось.

Телефон Киры нашёлся в прихожей — в кармане висевшей куртки. Выключенный. Это была первая странность вечера, и Елена аккуратно разложила её на составляющие: женщина, ушедшая по делам, телефон берёт. Женщина, вышедшая на минуту с мусором, телефон не берёт — но тогда она не снимает куртку и не вымытых чашек не оставляет. Третьего варианта у этой картины не было. Было четвёртое — то, о котором не думали вслух: картину сделали. Кто-то выстроил «уход на минуту», как строят декорацию, и забыл, что декорации проверяют на логику, а квартиры — на отпечатки.

— Елена Викторовна! — Пашка Сомов, молодой опер, заглянул в комнату, придерживая дверь. — Тут над столом... вы посмотрите.

Она посмотрела. Над рабочим столом висели пустые рамки. Восемь штук — в них фотографии держат лучшие работы, они всегда висят с уже натянутым паспорту, ожидая очередного претендента. Стекло чистое. Крепления все целые. Все восемь — пустые.

— Мать сказала, в комод лежала папка, — сказал Пашка тихо. — Толстая. Распечатки всей серии. Она её видела на прошлой неделе, сами понимаете, где.

Папки не было. Ни в шкафу, ни под кроватью, ни в ванной, ни за батареей — они проверили всё, что проверяют в первый вечер. Год работы, вся серия «Город без лиц», весь тираж распечаток — исчез вместе с автором.

Елена стояла посреди слишком чистой квартиры и чувствовала, как поднимается то самое чувство — холодное, точное, безошибочное. Не интуиция. Слово «интуиция» она не любила и вела с ним личную войну все восемь лет службы. Это было наоборот: отсутствие того, что обязано присутствовать. В квартире не было следов жизни за последние двое суток. Ни чашки. Ни окурка. Ни мокрого следа от ботинок у двери. Ни пылинки, смещённой спешкой.

Кто-то вымыл эту квартиру. Не ради чистоты, а чтобы замести следы.

— Смотрите, — Пашка держал телефон Киры в перчатках. Зарядили, включили. — Уведомления от оператора, два пропущенных от мамы... и вот это.

Одно сообщение. Отправитель — «Абонент не определён». Время получения: четверг, 21:47. После этого телефон выключили — вручную, судя по всему, потому что автоматического отключения по батарее не было: заряд оставался на тридцати процентах.

Текст состоял из одной строки:

«Кадры слишком много говорили. Я забираю их и тебя».

Елена читала и перечитывала, и с каждым прочтением фраза не пугала — она структурировалась. «Слишком много говорили» — значит, кадры действительно что-то содержали. «Забираю» — значит, отправитель взял и кадры, и человека одной операцией, одним планом, без паники. Паника не пишет грамматически правильных угроз. Грамматику пишет расчёт.

— Пашка, — сказала она, не отрывая глаз от экрана. — Вывеску на ящике на Урицкого видели? Камера у подъезда есть?

— Есть, старая. Сейчас гляну.

— Глянь. И ещё: узнай, когда в последний раз в этой квартире было живо. Я хочу знать, когда перестал работать холодильник.

— Холодильник?

— Если он гудел ещё в четверг, значит, Кира была здесь в четверг. Если он отключён со среды — кто-то выключил его вместе со всем остальным. Холодильник — самый честный свидетель в любой квартире. Он не умеет врать о времени.

Пашка кивнул и убежал. А Елена осталась стоять в пустой, слишком правильно убранной квартире, перед восемью пустыми рамками — и впервые за долгое время почувствовала не азарта, а страх. Не за себя. За то, что за этими рамками когда-то стояли снимки, которые кто-то посчитал слишком говорящими. И что этот кто-то был методичен настолько, чтобы стереть из квартиры сорок восемь часов жизни, но оставил зарядку в розетке — то есть хотел, чтобы они подумали: вернётся.

Хотели, чтобы думали, что она вернётся. Значит, думать было суждено не об этом.

Она достала блокнот, открыла первую страницу и вывела сверху дату. Ниже — три колонки, её старая привычка, от которой начальство морщилось, а она не отказывалась: **Факт. Версия. Сомнение.**

Факт: квартира вымыта после исчезновения. Рамки пусты, серия исчезла. Телефон и старый ноутбук оставлены. Сообщение — в четверг, 21:47.

Версия: отправитель сообщения забрал Кирины работы и знает, что они содержат. Квартира приведена в порядок тем же человеком — или по его указанию.

Сомнение: если человек имел доступ в квартиру и время на уборку — почему до сих пор нет ни одного свидетеля? И кто может знать содержание фотографий лучше их автора?

Внизу, под колонками, она ничего не написала. Пока.

За окном занимался обычный, невинный город: мокрые крыши, первый трамвай, витрины, включающие свет по расписанию. Витрины загорались одна за другой — и в каждой на секунду отражалась улица, люди, машины.

Елена смотрела на это отражение и не знала ещё, что теперь будет видеть его везде. Что город, в котором она прожила восемь лет, начнёт говорить с ней с периферии кадра. И что первая стрела — вот эта, в телефоне Киры, с точной орфографией и холодной пунктуацией, — была не угрозой.

Это была заявка на партию.

Глава 2. Конверт без марки

Утро пятницы началось с того, что Ольга Павловна, мать Киры, впервые за три дня вышла из дома не ради того, чтобы стоять у дежурной части и повторять: «Я знаю, она не ушла сама». Она вышла ради почты.

— Говорят, письма иногда приходят, когда человек молчит, — сказала она Елене, когда та встретила её у подъезда. — Даже если не от него. Просто... чтобы было, что держать в руках.

Елена не стала спорить. Она вообще редко спорила с тем, как люди пытаются удержать реальность, когда она начинает расплываться по швам. Вместо этого она просто пошла рядом — не как следователь, а как тот, кто знает: в первые дни самое страшное — это тишина, которую нечем заполнить.

Почтовый ящик на первом этаже был старым, с погнутой дверцей и номером, написанным выцветшим маркером. Ольга Павловна открыла его дрожащими руками — и сразу увидела: среди рекламных листовок и счетов лежал один конверт. Тонкий, белый, без марки и штемпеля. Только имя: «Ольге Павловне Соболевой». И ни адреса отправителя, ни обратного.

— Не трогайте, — тихо сказала Елена, доставая перчатки из кармана. — Дайте мне.

Ольга Павловна отступила, будто конверт мог обжечь. Елена взяла его осторожно, как берут вещь, которая может рассыпаться от прикосновения. На ощупь он был почти невесомым. Внутри что-то лежало — не бумага, а что-то плотное, прямоугольное.

В квартире они вскрывали конверт на кухонном столе, как улику. Пашка, который приехал по звонку Елены, снимал процесс на телефон — коротко, по делу, без лишних ракурсов.

Внутри оказалась не записка. Внутри была флешка. Чёрная, маленькая, без надписей. И к ней — сложенный вдвое лист, на котором тем же ровным, почти типографским почерком, что и в сообщении на телефоне, было выведено:

«Кадры говорили слишком много. Теперь пусть говорит флешка. Не показывайте никому, кроме Мельник. И никому — до вечера воскресенья. Это не просьба».

Ольга Павловна смотрела на листок, будто пыталась прочесть между строк то, что там не написано.

— Это он? Тот, кто забрал Киру? — прошептала она.

— Пока не знаю, — честно сказала Елена. — Но он точно знает, что мы ищем. И он знает, что я веду дело.

Пашка покрутил флешку в пальцах.

— На ней может быть всё что угодно. От фото до вируса.

— Тогда проверим на изолированной машине, — Елена уже доставала телефон, чтобы вызвать криминалистов. — Но сначала — посмотрим, что там.

В отделе флешку вставили в старый ноутбук, который держали специально для таких случаев — без выхода в сеть, без подключений, только чтение. Экран вспыхнул, и на нём появилась папка с одним единственным файлом: «Город без лиц — финал».

Файл оказался видео. Короткое, две минуты семнадцать секунд. Снято на телефон, трясущимися руками, но чётко. На кадрах — складское помещение: бетонные стены, металлические стеллажи, тусклый свет ламп. В центре — Кира. Она стояла, прижимая к груди тонкую папку, и говорила в камеру, будто читала по бумаге:

— Если вы смотрите это, значит, меня уже нет там, где я должна быть. Но я успела. Я собрала всё. Все кадры, где город прятал лица. Я поняла, что они не просто отражения — они следы. Каждый блик, каждое стекло, каждая витрина — это отпечаток того, кто хотел остаться невидимым. Я нашла его. Он ходит по городу, как хозяин, и никто не смотрит на него, потому что он стоит ровно там, где мы не смотрим.

Она сделала паузу, будто прислушиваясь к чему-то за кадром. Её пальцы сжали папку так, что побелели костяшки.

— Я не знаю, сколько у меня времени. Но если вы это смотрите, значит, время вышло. Не пытайтесь меня найти по старым следам. Ищите там, где город показывает себя по-другому. Ищите в отражениях. Где-то в краях кадра.

Камера дрогнула, и в этот момент за её спиной мелькнула тень — высокая фигура, не лицо, а силуэт. Кира не обернулась. Она будто знала, что он там.

— Простите, — сказала она тихо, уже не в камеру, а в пустоту. — Я думала, что смогу сделать это одна.

Экран погас.

Елена сидела неподвижно, пока Пашка перематывал видео назад, пока криминалист делал скриншоты, пока в комнате становилось всё тише от того, что никто не знал, что сказать.

— Она знала, — наконец произнёс Пашка. — Она снимала не город. Она снимала того, кто им управлял.

— И он понял, — добавила Елена. — Поэтому забрал и её, и кадры. А теперь прислал флешку, чтобы мы знали: он всё контролирует. Даже то, что мы видим.

Криминалист кашлянул, привлекая внимание.

— Тут есть метаданные. Дата записи — четверг, 20:13. Место — координаты совпадают со старым складом на Заводской. Там сейчас пусто, но раньше это была база одной из фирм Бахтина.

Елена кивнула. Это имя уже мелькало в её заметках — Владимир Андреевич Бахтин, бывший заместитель начальника городского управления, человек, который умел делать так, чтобы проблемы исчезали вместе с документами.

— Значит, склад, — сказала она, поднимаясь. — И значит, он не просто прятал людей. Он строил систему, где каждый знал своё место и молчал.

Пашка уже собирал оборудование.

— Поедем сейчас?

— Сейчас, — подтвердила Елена. — Но не как на обыск. Как на осмотр места, где кто-то хотел оставить послание. Потому что это видео — не признание. Это инструкция.

На складе пахло пылью и металлом, будто здесь годами хранили не вещи, а тишину. Дверь была не взломана — она была закрыта на обычный навесной замок, который поддался ломику Пашки за секунду. Внутри — пустота, только несколько пустых коробок и следы на бетонном полу.

Елена медленно шла по помещению, останавливаясь там, где на видео стояла Кира. Она смотрела не на стены, а на отражения: на металлические поверхности, на стеклянные вставки в дверях, на полированный бок старого холодильника, который кто-то забыл вывезти. Город смотрел на неё этими отражениями — и в каждом было что-то лишнее, что-то, что не вписывалось в картину.

У дальней стены она заметила тонкую полоску на полу — будто что-то тяжёлое волокли отсюда. Следы вели к боковому выходу, который выходил прямо на пустырь и железную дорогу.

— Отсюда её увезли, — сказал Пашка, присев на корточки. — Следы шин. Старые, но чёткие.

Елена достала блокнот и снова открыла страницу с тремя колонками.

Факт: видео записано на складе Бахтина. Следы вывоза — через боковой выход. Флешка доставлена матери Киры с инструкцией.

Версия: похититель контролирует ситуацию и хочет, чтобы следствие шло по его сценарию. Он знает Елену и рассчитывает на её логику.

Сомнение: зачем давать улику, если можно просто молчать? Что он хочет, чтобы мы нашли — или кого?

Она подняла голову и посмотрела на потолок, где висела старая камера видеонаблюдения. Провода были обрезаны, но корпус остался.

— Пашка, посмотри, что с камерой. Может, есть запись на локальном носителе.

Пока Пашка возился с проводами, Елена подошла к стене и провела рукой по шероховатой поверхности. Под слоем пыли она нащупала что-то твёрдое — маленькую металлическую пластину, прикрученную к бетону. Счистив пыль, она увидела гравировку: **«Гранит-Сити. Склад №3»**.

Это было имя, которое она уже встречала — в старых отчётах, в списках фирм, которые закрывались или переходили из рук в руки, всегда оставляя после себя пустоту и молчание.

— Нашёл, — Пашка поднял небольшую карту памяти. — Она была спрятана за корпусом.

Елена взяла её осторожно.

— Отдадим криминалистам. Но я уже знаю, что там будет. Не случайность. Не паника. А расчёт. Кто-то очень хотел, чтобы мы пришли сюда. И чтобы мы увидели именно то, что он позволил увидеть.

На улице начинался дождь. Капли падали на асфальт, размывая старые следы, но не те, что были важнее всего — не отражения в стёклах, не тени на стенах, не слова на флешке.

Елена посмотрела на город, который стоял вокруг склада — серый, равнодушный, полный витрин и окон, в которых можно было спрятать целую жизнь.

И она поняла: это только начало. Город не отдаст своих тайн просто так. Он будет отдавать их по кадру, по отражению, по следу, который кто-то специально оставил на виду. И её задача — не пропустить ни одного.

Если хочешь, дальше можем пойти по двум путям:

Глава 3. Человек, который ждёт

Бахтина нашли не в офисе. Елена подошла к административному зданию на Мостовой — туда, где «Гранит Сити» арендовало два этажа. У входа её встретила вахтёрша — тучная женщина с выпуклой повязкой на рукаве. Она посмотрела на удостоверение так, будто уже видела его сегодня — и отлично помнила, чем тогда всё закончилось.

— Пятый этаж, — сказала она. — Владимир Андреевич... он сегодня рано вышел. Сказал, будет принимать человека, который всё равно придёт.

— Он так сказал?

— Так и сказала. А я повторяю. — Вахтёрша пожала плечами. — У меня работа такая: повторять.

На пятом этаже коридор был пуст. Только у самой дальней двери, там, где «Гранит-Сити» держало кабинет для приёмов, горел свет — и дверь была приоткрыта. Не заперта и не закрыта. Приоткрыта ровно так, чтобы любой, кто поднимется на этаж, понял: внутри его ждут.

Елена остановилась. Пашка за её спиной дышал чуть чаще, чем нужно.

— Знаешь, что мне не нравится? — тихо сказала она.

— Что он нас ждёт?

— Нет. Что он знал, когда мы придём. Вахтёрша сказала — «сегодня рано вышел». То есть он ожидал визита с утра. А флешку мы получили вчера вечером. Видео посмотрели сегодня днём. Между этими двумя событиями он не мог знать, что мы подключим склад. — Она помолчала. — Он не ожидает нас. Он назначил нам встречу и разница принципиальная: ожидают, когда боишься. Назначают, когда уверен.

И что делаем?

— То же, что собирались. Идём. Если человек уверен в своей партии, его можно переиграть только внутри его же уверенности. Снаружи он неуязвим.

Она толкнула дверь.

Кабинет был просторный и нарочно безликий: стол, три стула, шкаф с дверцами без стёкол — чтобы ничего не отражало. Даже шторы были плотные, свет стоял ровный, потолочный, тени не оставляющий. Елена отметила это с холодным уважением: человек, который знал, что его ищут в отражениях, вычистил из кабинета все поверхности, способные отразить. Убирался он здесь не для гостей.

Бахтин сидел за столом. Лет пятидесяти, плотный, сидящий у висков, в тёмном свитере — не в пиджаке, не в униформе начальства. Свитер делал его похожим на учителя на пенсии. Лицо было спокойное, чуть усталое, с той особой мягкостью, какая бывает у людей, которым не нужно никого убеждать — они уже всё решили, и убеждать осталось только нарушителей, а нарушителей убеждать не надо.

Перед ним на столе стояли две чашки. Обе полные, обе дымящиеся.

— Садитесь, — сказал он. — Чай ещё горячий. Я просил заварить пять минут назад, но у нашей вахтёрши своё представление о тайминге.

— Вы знали, что мы придём, — Елена не села.

— Конечно, иначе зачем бы я заказывал два чая, — он чуть приподнял взгляд. — Вообще, чашек было три. Третья уже остыла — не стану её показывать: она для меня. Присаживайтесь, Елена Викторовна. Времени у нас в обрез, так что лучше поговорить сидя.

Пашка переглянулся с Еленой. Она кивнула — и села. Не потому, что подчинилась. Потому что хотела видеть, как он играет дальше.

— Я по поводу исчезновения Киры Соболевой, — сказала она.

— Знаю. И про склад на Заводской, и про флешку — всё знаю, — он слегка развёл руками, и в этом жесте сквозило что-то вроде тихой неловкости. — Давайте сэкономим время.

Вы спрашивайте, а я постараюсь отвечать ещё до того, как вы успеете до конца сформулировать вопрос.

— Склад №3 на Заводской принадлежал связанным с вами структурам. Совпадает?

— Совпадает. Аренда через три фирмы-прокладки, одна из них «Гранит-Строй», кузен «Гранит-Сити». Я регистрировал схему сам, лет восемь назад. Могу дать документы — они чистые, я всегда делал документы чистыми. В этом была моя работа.

— Ваша работа — заместитель начальника управления. По надзору за строительством.

— Моя работа, — он повторил её слова неторопливо, как повторяют заголовок чужой статьи, — была делать так, чтобы город застраивался без скандалов. Скандалы — это стопы. Стопы — это убытки. Убытки — это незавершённые коробки, которые стоят десять лет и разлагаются на глазах у людей. Я предотвращал разложение.

— Люди при этом пропадали.

— Один раз, — сказал он. — Три года назад. Рабочий, набережная, несчастный случай. Дело было закрыто правильно. Семья получила компенсацию и подписала согласие. Если вы поднимете то дело — найдёте всё в порядке. Я знаю, потому что поднимал его дважды. Второй раз — вчера вечером.

— Зачем?

— Чтобы знать, что вы найдёте. — Он посмотрел на неё внимательно, почти тепло. — Елена Викторовна, вы очень старательная. Вы сейчас держите паузу, чтобы я продолжил говорить и наговорил лишнего. Я не буду говорить. Давайте я скажу то, зачем вы пришли, за вас.

Он отодвинул папку, которую Елена не заметила — тонкую, в коричневой обложке, — и подвёл по столу к её краю.

— Вот протокол осмотра склада на Заводской. Со всеми найденными следами. Следы шин — «Бордо», четыре покрышки, грузовая резина. Датируются вчерашним днём. То есть у вас на руках улика, которая указывает на «Гранит-Сити», но подписана вчерашним числом. Думаете, я не знаю, что это значит? Это значит, что кто-то приехал на мой склад вчера, катал по полу чужую машину и снимал это на видео вместе с вашей пропавшей. Соболевой. Которую я вижу впервые в жизни — на вашей флешке.

— Вы отрицаете причастность к её исчезновению.

— Отрицаю. — Он сложил руки на столе. — И дальше скажу то, что вы не хотите слышать. Эта флешка не послание от похитителя. Это приманка. Кто-то очень хочет, чтобы вы занялись мной. Так занялись, чтобы остальные дела не искали. Потому что склад, Елена Викторовна, — это декорация. А декорации строят те, кто прячет сцену.

В кабинете стало тихо. Чай в чашках перестал дымить — но оба стула были тёплые, оба гостя сидели, оба слушали.

— Доказательства? — наконец сказала Елена.

— Начните с резины. Совпадает ли протектор с вашими следами на складе. Начните с даты — я вчера в одиннадцать вечера был на банкете у губернаторского зама, там тридцать свидетелей и запись с четырёх камер. Начните с простого: если бы я держал Соболеву, я бы не прислал вам видео с ней же. — Он чуть улыбнулся. — Я слишком хорошо знаю, как работают стены и как работают отражения. Если бы я был вашим человеком из видео, я бы не снимал тень за её спиной. Я бы снял тень без неё.

Елена встала. Папку Бахтина она не взяла — и это было первое её осознанное действие в этом кабинете, о котором он не просил.

— Протокол заберите, — сказал он ей вслед. — Я не прошу верить. Я прошу проверить. Вы умеете. Это я и ценю.

В коридоре Пашка ждал, опершись о стену.

— Ну? — спросил он.

— Он либо честный, либо самый лучший лжец, которого я встречала, — сказала Елена, спускаясь по лестнице. — И то и другое мне не нравится, потому что одинаково полезно ему.

— А что тебе нравится?

— Чашки. — Она вышла на крыльцо, где моросил обычный, равнодушный дождь. — Он поставил две. Не три. Он знал, что Пашка придёт со мной, — вахтёрша сказала «человек, который всё равно придёт», единственное число. Значит, третью чашку он налил кому-то ещё. Или снял её нарочно, чтобы я это посчитала.

— И?

— И теперь у меня два вопроса вместо одного. — Она достала блокнот и на ходу открыла три колонки. **Факт:** Бахтин знал о визите заранее, подготовил протокол осмотра склада, отрицает причастность, даёт проверяемые данные. **Версия:** он чист — и кто-то строит на нём ловушку. Либо он виновен — и строит ловушку на своей чистоте. **Сомнение:** «человек, который всё равно придёт». Откуда он знает, что мы вообще о нём подумали? Имя Бахтина мы не называли. Никому. Кроме...

Она осеклась.

Кроме криминалиста и матери Киры. Также Круглова. Кроме — она вспомнила себя, вчерашний вечер, телефон, которого в кабинете больше не было после устранения.

— Пашка, — сказала она тихо, — я тебе сейчас скажу вещь, которая мне самой не нравится. У нас утечка. Не «может быть». Точно. И она не на том конце, где мы искали.

Глава 4. Узкий круг

Утечку Елена проверяла так, как проверяют не людей, а время. Потому что время не врёт и не договаривается.

Флешка попала к Ольге Павловне в пятницу утром. Видео они посмотрели в пятницу днём. Склад на Заводской — в пятницу вечером. Бахтин знал о визите в субботу утром и назвал их визит «назначенным». Между флешкой и визитом — меньше суток. За эти сутки о содержании флешки знали, по списку Елены, восемь человек.

Она выписала их всех на отдельный лист и напротив каждого поставила три даты: когда узнал о флешке, когда узнал о видео, когда мог узнать о складе.

Пашка смотрел, как она заполняет клеточки, и на четвёртой фамилии не выдержал:

— Ты же понимаешь, что это безумие? Мы подозреваем собственных.

— Мы не подозреваем. Мы считаем. — Елена не подняла головы. — Подозревать — это эмоция. Считать — это работа. Чувствуй разницу, когда сам попадёшь в клеточку.

— В какую?

— В любую. Если утечка есть, то в одной из этих восьми клеточек сидит человек, который разговаривал с Бахтиным или с тем, кто за ним. И этот человек пока не знает, что я уже считаю.

Первый в списке был Игорь, криминалист. Он знал всё: и про флешку, и про видео, и про склад. Но Игорь за восемь лет не слил ни одной бумажки — его как раз проверяли дважды, оба раза без результата, и оба раза проверявшие уходили с чувством, что проверяли не того.

Вторая — Ольга Павловна. Мать. Елена долго смотрела на эту строку и писала её с неохотой: «Узнала о флешке первой. Могла рассказать — кому? Соседям, подруге, юристу. По неосторожности, не по злему умыслу». Это был не обвинительный вариант, но вариант: утечки чаще случаются не через предателей, а через растерянных.

Третья — Пашка. Она записала и его, без пауз и смягчений, — и он, заглянув через плечо, увидел свою фамилию в списке и молча кивнул. За это она уважала его больше, чем за все его удачные операции.

Четвёртый — майор Круглов, старший оперативной группы на осмотре склада.

Пятый — дежурный по отделу, который оформлял выезд.

Шестой — Гордеев.

Седьмая — она сама.

Восьмая клеточка оставалась пустой. Елена вписала туда вопросительный знак и долго смотрела на него.

— Кого я забыла? — спросила она вслух.

— Никого, — сказал Пашка. — Круг — замкнутый.

— Круг никогда не замкнутый. Круг всегда замыкают те, кого мы не видим. — Она постучала ручкой по пустой клеточке. — Смотри. Бахтин знал о визите с утра. «Человек, который всё равно придёт». Вахтёрша передала эти слова. Значит, Бахтин получил информацию до утра субботы. Теперь вопрос: какая информация ушла — и когда именно?

Она развела события на оси времени, как растягивают пружину: каждый факт — отдельное звено, каждое звено — отдельная проверка.

— Флешка легла в ящик Ольги Павловны между восемью вечера четверга и семью утра пятницы. Видео мы посмотрели в четырнадцать тридцать пятого. Склад осмотрели в девятнадцать ноль-десять. Если утечка пошла после осмотра склада — круг узкий, восемь человек, всё чисто. Если утечка пошла раньше — до просмотра видео — то человек, о котором мы не подумали, знал про флешку ещё до нас. И тогда он не свидетель. Он автор.

— Проверить-то как? — Пашка пожал плечами. — Склад — прошлый вечер. Кто там был, все видели. А раньше — что раньше?

— А раньше, — Елена дописала колонку, — была камера у подъезда на Урицкого. Та самая, старая. И ещё телефон Киры. И ещё мой собственный кабинет, из которого я звонила в дежурную часть. Ты помнишь, что я говорила по телефону в пятницу утром?

Пашка задумался. И побледнел.

— Ты сказала: «Собирайте группу, едем на Заводскую, там склад Бахт...» — он осёкся. — Ты назвала фамилию?

— Я не успела. Связь оборвалась на слове «склад». Я перезванивала с корпоративного. — Елена посмотрела на него в упор. — Но в первой попытке я назвала адрес. Заводская, складской корпус, номер три. Этот адрес до этого момента прозвучал один единственный раз — в метаданных видео, которые озвучил криминалист при тебе, при мне и при Игорях. Больше нигде. Не в деле — дело ещё не завели. Не в запросах — запросов не было.

— Значит, если Бахтин знал про склад до пятницы...

— ...то он знал не от нас. Он знал от того, кто стоял рядом с криминалистом. Или от того, кто стоял рядом с Кирой. — Елена закрыла блокнот. — И вот это, Пашка, уже два разных человека с двумя разными мотивами. Первый хочет нас повести за собой. Второй хочет, чтобы мы пошли в сторону, где стоит Бахтин.

Проверку камеры на Урицкого Пашка делал до вечера. Камера была старой, пишущей на локальный диск, диск никто не выносил месяцами — но сработало везение: хранилище тянуло четырнадцать суток, и первые дни исчезновения попадали в цикл.

В 21:47 четверга — ровно в минуту сообщения — в подъезд входила женщина в тёмной куртке. Кира. Это подтвердил бы любой, кто знал её в лицо; Елена знала её в лицо по фотографиям матери.

В 22:04 из подъезда выходил мужчина. Один. Среднего роста, в светлой куртке, без вещей. Он нёс только небольшую папку — такую, в которую помещается восемь фотографий.

Кира из подъезда не выходила.

— Её вывели позже, — Пашка мотал головой, гоня запись туда-сюда. — Или выводили через двор. Или она уже была не в подъезде.

— Стоп. — Елена поставила видео на паузу. — Отмотай назад. Вход Киры.

Он отмотал. Женщина в тёмной куртке вошла в подъезд — и Елена смотрела не на неё. Она смотрела на стекло двери. На отражение в стекле, мутное, серое, полустёртое — но живое. В отражении, за спиной входящей женщины, на тротуаре стоял ещё кто-то. Не рядом — на расстоянии, у скамейки. И стоял так, как стоят не прохожие: неподвижно, лицом к подъезду.

— Найди мне человека, который был у скамейки, — сказала Елена. — Промотай на полчаса вперёд и назад. Он вошёл? Он ушёл?

Пашка мотал двадцать минут. Человек у скамейки появился в кадре в 21:41 — за шесть минут до входа Киры. Занял место. Сидел. В 22:10 встал и ушёл по улице в сторону проспекта — с пустыми руками.

Папку нёс другой. Значит, их было минимум двое: один входил, другой сидел на подстраховке. Система.

— Лицо? — спросила Елена.

— На этих пикселях — родинка, — вздохнул Пашка. — Никаких лиц. Только то, что он сел в 21:41 и ушёл в 22:10. Двадцать девять минут. Меньше получаса на то, чтобы войти, забрать человека и выйти.

— Двадцать девять минут — это много, если человека ведут. И мало, если человека ведут спокойно, — Елена снова открыла три колонки. — **Факт:** в похищении участвовали минимум двое. Один вывез папку в 22:04, второй контролировал улицу и ушёл в 22:10. **Версия:** операция была бы невозможна без знания, что Кира дома, что она одна, и без доступа в подъезд — дверь открывалась кодом, соседка не слышала. **Сомнение:** откуда они знали, что Кира вернётся именно в 21:47?

— Она сама сказала в последнем сообщении подруге, — неуверенно предположил Пашка. — «Зайду домой переодеться и поеду снимать ночь».

— Значит, читали её переписку. Значит, был доступ к её телефону. Значит, человек, который отправил сообщение с её телефона в 21:47... — Елена остановилась. Пазл, который она гоняла весь день, вдруг встал на место, и от этого встал на место нехорошо. — Пашка. Сообщение было отправлено с телефона Киры. В 21:47. Ровно в ту минуту, когда она вошла в подъезд. Но телефон потом нашли в прихожей, выключенным. Если человек отправлял сообщение из квартиры — зачем? Чтобы мы думали, что она жива? Чтобы направить нас по адресу?

— Чтобы записать угрозу, — сказал Пашка. — Кадры слишком много говорили.

— Нет. — Елена медленно покачала головой. — Чтобы отвести нас от другого. Смотри. Тот, кто забрал Киру, действовал тихо, без следов. Зачем ему оставлять записку со своим почерком — пусть даже напечатанную? Угроза — это лишний след. А вот когда кто-то хочет, чтобы следствие шло в одну сторону, и бросает ему кость, на которой написано «идите сюда»... — она посмотрела на пустую клеточку номер восемь. — Это уже не похититель, Пашка. Это режиссёр.

В девять вечера ей позвонил Игорь. Голос у него был как всегда — усталый, ровный, по делу.

— По твоей флешке есть три новости. Одна хорошая, две плохие.

— Давай плохие сначала.

— Первая плохая: на видеофайле метаданные подделаны. Дата выставлена вручную, следы пересохранения есть. То есть запись могли сделать в любой день, а «четверг» — просто красивое совпадение, рассчитанное на нас. Вторая плохая: в кадре, в момент, когда мелькает тень за спиной Соболевой, есть блик. На металлической дверце шкафа. И в этом блике — я увеличил, полез в пиксели — видно отражение камеры. Не телефон. Объектив с большим носом, штативная посадка. Кто-то снимал запись на видео профессиональной камерой. В момент записи.

— То есть сцена постановочная, — сказала Елена. — Кира играла сама себя.

— Либо это постановка целиком, — сказал Игорь. — Либо она играла под дулом. Я не могу это различить по записи.

— А хорошая новость?

— Хорошая новость — по гравировке на пластине. «Гранит-Сити, склад №3». Пластина настоящая, старая, крепилась лет восемь назад, сверление совпадает с архивными фото объекта. Её не вешали заново — она там висела всегда. Просто её никто не замечал, потому что она была под слоем пыли. — Игорь помолчал. — А теперь слушай, что я хочу сказать. Пластина — не улика против Бахтина. Пластина — улика против того, кто знал, что она там есть. И знал, что вы её найдёте.

Елена села. За окном отдела горел обычный вечерний город, но теперь она смотрела на него без иллюзий: где-то там, за витринами и стёклами, сидел человек, который написал ей пьесу в три акта. Первый акт — исчезновение. Второй — улики, аккуратно подброшенные под дверь матери. Третий — направление к Бахтину, к складу, к человеку, на котором можно было замкнуть всё дело и закрыть глаза на остальное.

Он вёл её. Впервые в жизни не преступник вёл следствие — следствие вело преступника.

Она открыла блокнот на чистой странице и вывела сверху не три колонки, а одну строку, крупно:

«Он хочет, чтобы я думала как он. Значит, надо думать не как он — надо думать о том, о чём он не думает».

И под этой строкой, стараясь не думать о том, что это может значить, она написала: «Кира. Не та, которую увели. Та, которую сняли на камеру и которая знала про склад №3. Где настоящая?»

Поздно ночью, в своей квартире, Елена ещё раз пересмотрела запись с камеры у подъезда. Она гоняла её уже десятый раз — не для улик. Для лица. Человек у скамейки сидел неподвижно, и за двадцать девять минут неподвижности он сделал одно-единственное движение: в 21:52, когда в подъезде щёлкнул кодовый замок, он поднял голову. Быстро. Профессионально. Как поднимают голову не на звук, а на знакомый звук.

Елена увеличила момент. Голова поднялась — и на долю секунды, в мутном отражении стеклянной двери подъезда, преломился край его скулы. Не лицо, а край лица. Но достаточно, чтобы однажды, встретив этот профиль на улице, в лифте, в коридоре отдела, Елена узнала его.

Она выключила ноутбук. Город за окном стоял в огнях, и каждое стекло было чужими глазами, а каждый человек на улице — возможным тем самым, кто сидел на скамейке.

«Думать не как он», — напомнила она себе. — «Думать о том, о чём он не думает».

И первая мысль, которая пришла ей в голову, была не про склад и не про Бахтина. Она была про летний день, четыре года назад, когда Елена впервые слышала фамилию Соболева — в другой папке, из другого дела, о котором никто не вспомнил до сегодняшнего вечера.

Глава 5. Папка за 2019-й

Архив отдела находился в подвале — как и положено архиву: там, где темно, где пыль и где никто не ходит без необходимости. Елена шла по коридору с фонариком и считала стеллажи. Не забыла — путь помнила руками. Восемь лет службы вырабатывают память не в голове, а в ладонях: вот полка с делами о кражах, вот с ДТП, вот, за перегородкой, с закрытыми делами о пропавших без вести. Сектор, который стараются не открывать: там живут дела, которые не закрылись — они кончились.

Фамилию Соболева она впервые услышала четыре года назад. Не от Киры — Киры она тогда вообще не знала. Из дела.

Дело №1842-ПП. Пропаж без вести: Соболева Марина Дмитриевна, сорок два года, бухгалтер строительной фирмы. Дата исчезновения — 19 июня 2019-го. Дело закрыто через семь месяцев по статье «уехал по месту нового жительства». Закрыл его следователь, который уже тогда подписывался угловатой росписью — и под делом стояла виза «согласовано» с фамилией Бахтин.

Елена нашла папку на третьем стеллаже — между делом о пропавшем стороже и делом о пропавшей пенсионерке. Она вытащила её, села на перевёрнутый ящик под лампой и открыла.

Первое, что она заметила — тонкость папки. Дела о пропавших без вести не бывают тонкими: опросы, протоколы, справки, запросы, копии счетов. Здесь же всё было компактно, аккуратно, как составленное заранее. Так папки не ведут вживую. Так папки складывают в архив, когда материал уже отобран, очищен, согласован.

Она читала медленно, как читают протоколы, которые написаны не для того, чтобы их читали.

19 июня. Соколова, простите — Соболева Марина Дмитриевна, не вернулась с работы. Заявление подавала дочь. Дочь: Соболева Кира Дмитриевна, 1998 года рождения.

Елена остановилась. Кира Дмитриевна. Не Ольга Павловна — мать была вторым браком, фамилии у дочери и матери разошлись. Кира, которая четыре года назад уже подавала заявление о пропаже человека — и оно было закрыто как «уехал».

Кира, у которой уже один раз пропал близкий человек — и никто не поверил, что это неправда.

Дальше по делу шло то, что Елена видела уже дважды за неделю. Дача показаний «соседкой», которая видела, как Соболева «выходила с сумками». Справка с работы: «уволилась по собственному желанию» — за день до исчезновения, задним числом, оформлена без приказа. Выписка с банковского счёта: движение средств остановилось в день пропажи — не снято, не переведено. Просто остановилось, как останавливают часы, которые больше не будут идти.

И на последней странице — резолюция о закрытии. Виза Бахтина. И подпись следователя, которую Елена читала три раза, чтобы поверить.

Подпись была её собственная.

Точнее — не совсем. Роспись была похожа на её роспись: тот же наклон, тот же росчерк на заглавной. Но Елена в 2019 году не вела дела №1842-ПП. Она была в это время на курсах повышения квалификации — восемь недель, октябрь-декабрь, есть приказ, есть журнал. А подпись стоит на документе от декабря.

Подделали её подпись. И сделали это не грубо — сделано начётко, тем, кто видел её роспись много раз. Тем, кто сидел с ней в одном коридоре.

Она сидела в подвале на перевёрнутом ящике и слушала, как где-то наверху глухо скрипят двери. Первое ощущение было личным — оскорблением, стыдным жаром под лопатками. Она прогнала его. В её работе личное всегда шло первым, и всегда мешало вторым — фактам.

Факт: дело о пропаже Соболевой М. Д. закрыто с подделанной подписью следователя и визой Бахтина. Дочь пропавшей — Кира, та самая. **Версия:** Бахтин не случайно оказался в этом деле. Схема «уехал» отработана не на Кире — она отработана на её матери четыре года назад. Кира тогда увидела, как закрывают правду. И, возможно, именно с тех пор она начала снимать город так, как снимала. **Сомнение:** почему Киры не было в списке Ревзина — в списке «переездов», где фамилии забирают тех, кто видел. Она ведь была первым, кто копал.

Последний вопрос она задала вслух, и эхо подвала ответило ей тем, что она уже знала, но не признавала:

Потому что Киры не было в списке до тех пор, пока она не начала видеть.

Наверх, в отдел, она вернулась к шести вечера. Пашка ждал у её стола — не с кофе, с планшетом.

— Ты нашла. — Это было не вопросом. — Я вижу по лицу.

— Нашла. Киры мать не Ольга Павловна по рождению — она вторым браком взяла. А у Киры четыре года назад пропала настоящая мать. Марина Дмитриевна. Она бухгалтер в строительной фирме. — Елена положила папку на стол. — Угадай, в какой фирме она работала.

Пашка посмотрел на штамп на обложке.

— Не «Гранит-Сити»...

— Подрядчик «Гранит-Сити». Субаренда, но подрядчик. Она вела их документы. Она видела цифры, Пашка. Те самые, которые теперь в третьей папке Ревзина — за четыре года до Ревзина. — Елена села. — И она исчезла так же, как исчезал народ из списка: без дела, без следа, с «уволилась по собственному желанию» и с соседкой, которая «видела, как выходила с сумками».

— А Кира?

— Кира тогда была студенткой. Ей было двадцать. Она дала показания, ждала, писала жалобы в прокуратуру. Все вернулись с формулировкой «нет оснований». — Елена открыла последний лист дела. — И вот что я хочу тебе показать. Смотри на список приложений к делу.

Пашка наклонился. Список приложений был обычным: протоколы, справки, объяснения. Только одно приложение стояло в списке, а в папке отсутствовало.

Приложение №9. Фотоархив. 34 снимка.

— Тридцать четыре фотографии, — сказала Елена. — Кира тогда фотографировала. Она ходила по городу и снимала то, что казалось ей странным: стройки, ограждения, склады, машины. Угадай, что стало с фотографиями.

— Их забрали?

— Их нет. Приложение числится, папка пуста. Кто-то изъясил фотоархив из закрытого дела — а это, Пашка, статья. Изъятие из материала — редкая, наглая, следовая вещь. — Она подняла глаза. — И знаешь, что самое интересное? Кира потом сняла серию «Город без лиц». Год работы, восемь кадров, все в отражениях. Я думала, она так видит город. Она не так видела. Она так училась искать то, что у неё забрали четыре года назад. Она снимала отражения, потому что отражения не изымаешь. Они не принадлежат никому.

В отделе было тихо. За окном стемнело, и на стёклах — на стёклах! — отражался их стол, их лица, их папка.

— Значит, её похитили не случайно, — тихо сказал Пашка. — Это не первое исчезновение в семье. Это продолжение.

— Это доведение, — поправила Елена. — Кира четыре года назад случайно вышла на цифры своей матери. Она была тогда слишком мала, слишком глуха, слишком неопытна — её просто заглушили, закрыли дело и забыли. А теперь она выросла. Она выучилась. Она собрала серию, которая говорит то же самое, что говорила её мать, только в кадрах. — Елена закрыла папку. — И тогда человек, который четыре года назад забрал у неё фотографии, узнал об этом

и решил, что она второй раз станет «уехавшей». Только теперь она была не маленькой. Она успела спрятать то, что успела спрятать.

— Папку в рамки?

— Нет. Папку в рамки он забрал. А вот что-то другое — не забрал. Помнишь флешку? Помнишь видео? «Ищите в отражениях. Ищите в краях кадра». — Елена открыла свой блокнот, на страницу с тремя колонками, и дописала в «Версию» одну строку: «Кира оставила после себя не видео. Она оставила ту же инструкцию, которую оставила её мать. Где-то в городе — второй фотоархив. Тот, что не изъяли в 2019-м».

— Как мы найдём второй архив?

— Через ту, которая его сохранила. — Елена взяла телефон. — Через Ольгу Павловну. Она хранила папку с серией в комод. Женщина, у которой уже один раз забирали человека и материалы, никогда больше ничего не хранит в одном месте. Она хранит в двух. Спросим, где второе.

Ольга Павловна открыла дверь не сразу — спросила через дверной глазок. Потом открыла, но не впустила: встала в дверях, как в проходной.

— Я всё сказала. Всё, что знала.

— Я не про дело, — Елена говорила тихо, ровно, без нажима. — Я про Марину Дмитриевну.

Мать Киры не двинулась. Только глаза — так бывает, когда человек четыре года держит дверной косяк между собой и чужим словом о мёртвом.

— Откуда вы знаете это имя? — спросила она.

— Из дела 2019 года. Его закрыли с нарушениями. Мне пришлось его поднять.

— Его никто не должен был поднимать. Его закрыли. Меня об этом просили люди из фирмы. — Голос у Ольги Павловны был усталый, не боящийся уже ничего. — Меня просили и женой. Потом и соседкой по коридору. «Видели, как выходила с сумками». Я сказала: не видела. Но дело закрыли всё равно. По чужим словам, не по моим.

— Кира знала, что вы не верите в «уехал»?

— Она знала. Она тогда перестала разговаривать со мной на полгода. Думала, я её предала. А я не предавала — я устала. — Ольга Павловна вдруг ослабила хватку на дверном косяке и отступила. — Вы спрашиваете про фотографии. Я знаю, зачем вы пришли. Я вам не отдам.

— Я не пришла за ними.

— Все приходят за ними.

— Тогда скажите так: я пришла спросить, живы ли они. Марина Дмитриевна снимала город, как её дочь? — Елена сделала шаг вперёд, но не вошла. — Ольга Павловна. Ваша дочь в видео на флешке сказала: «Ищите в отражениях». Она говорила не про пазл. Она говорила про архив, который её мать снимала четыре года назад, — тот, который забрали из дела. Но не весь. Не тот, который был в деле. Тот, который был у неё.

Ольга Павловна смотрела на неё долго. Потом — тихо, как сдаются не побеждённые, а уставшие:

— Марина не ловила в кадр отражения — она фиксировала документы. Прямо на работе. Распечатки прятала в банку из-под кофе, а потом относила к Авдеевне — соседке с пятого этажа. — Она ненадолго замолчала, словно давая словам улечься. — Авдеевна ушла из жизни в тот же год — сердце подвело. Но банка так и осталась стоять в её серванте. Два года назад, когда я съезжала с последней квартиры, Кира её нашла. Взяла и тихо сказала: «Мама, я всё поняла. Не буду ничего говорить». И ушла.

— А банка?

— А банка, — Ольга Павловна открыла дверь до конца, — стоит у меня в серванте. С четвёртого года и я её не открывала. Не могу. Кира запретила: «Пока не придёт человек, который умеет смотреть». — Она смотрела на Елену поверх порога. — Вы умеете?

Глава 6. Банка

Сервант стоял в комнате, которую Ольга Павловна, судя по всему, не открывала давно: пыль на верхней полке лежала ровным слоем, как первый снег, — ни пятен, ни разводов, ни следов руки. Банка стояла на средней полке, за фотографиями в рамках. Обычная жестяная банка из-под кофе, красная, со стёршейся надписью. Только крышка была обмотана скотчем — и скотч был наклеен не как заклеивают, а как *запечатывают*: крест-накрест, туго, и под последним витком — тонкая бумажная полоска с одним словом.

Елена наклонилась ближе. На полоске, мелким ровным почерком, было написано:

«Не открыть без свидетелей».

— Кира написала это? — спросила Елена.

— Кира, — Ольга Павловна стояла позади, сложив руки на груди, и смотрела не на банку, а на Елену. — Она заклеила и сказала: «Мам, если меня не станет — пусть открывает только человек при понятиях. Не при ком больше. Поняла?» Я поняла. Я четыре года поняла всё, что она говорила, и всё равно не смогла её удержать.

— Тогда работаем при понятиях, — сказала Елена и набрала номер Пашки.

Пока ждали, она обошла банку кругом. Не трогала — только смотрела. Жестяная банка — плохой архив для бумаги: влага, кислота, ржавчина. Кира об этом знала, она выросла у бухгалтера, который прятал распечатки так же. Значит, внутри должна была быть защита: плёнка, пакет, силикагель. И значит, Кира заботилась не о бумаге — она заботилась о том, чтобы бумага не умерла раньше времени, потому что знала: она может понадобиться через годы.

Через годы. Елена снова и снова возвращалась к этой мысли. Кира готовила этот архив не к завтрашнему дню. Она готовила его как подводную мину — на случай, если её не станет. «Не открыть без свидетелей» — это была не инструкция для матери. Это была страховка против самого худшего исхода: против того, что дело закроют и снова, и открывать его будут люди, которым платить нечем, кроме правды.

Пашка приехал через двадцать минут — вместе с ним она попросила заехать соседку с четвёртого этажа, немолодую, серьёзную женщину в очках, которую представила как Маргариту Львовну. Понятой. Маргарита Львовна вошла, посмотрела на сервант, на банку, на перчатки Елены и сказала:

— Я знала Авдеевну — мы тридцать лет бок о бок в одном подъезде прожили. Она тоже эту банку хранила. — Женщина чуть поправила очки, будто хотела яснее разглядеть не комнату, а прошлое. — Тогда я и понятия не имела, что в ней лежит. А теперь... теперь всё складывается.

— Вы не обязаны знать заранее, — заметила Елена.

— Я не спрашиваю. Я сообщаю, — Маргарита Львовна села на стул у стены, как садятся в суде. — При мне открывайте.

Елена разрезала скотч тонким лезвием — медленно, не задевая бумажную полоску. Полоска хрустнула и легла на стол целой. Она сняла крышку.

Внутри банки, как она и ожидала, лежал плотный полиэтиленовый пакет, перетянутый резинкой. Она вынула пакет, взвесила на ладони — тяжелее, чем казалось, — и вскрыла.

Первым шёл конверт. В нём — восемнадцать фотографий. Распечатки: копии документов. Пропуска на объекты, накладные, ведомости, листы с табелями — всё снято на телефон, каким-то старым, с зерном, но читаемо. На некоторых снимках в углу виден край стола, чашка, чей-то рукав — Марина Дмитриевна фотографировала тайно, быстро, на ходу. Она не строила красивый архив. Она спасала цифры.

Вторым пакетом была стопка распечаток, сложенных втрое. Елена развернула первую. Это был график — обычный, строительный: этапы, даты, объёмы. Только в графе «рабочая

смена» стояли фамилии, которых не было в открытой документации. Двадцать две фамилии. И напротив каждой — отметка цветом: синие — «смена по графику», зелёные — «перевод на объект №2», красные — «списание».

Списано было семеро.

Елена переложила график Пашке. Тот, просмотрев, тихо сказал:

— Дата графика — апрель 2019-го. За два месяца до исчезновения Марины Дмитриевны.

— До того, как она сняла документы, — сказала Елена. — Или до того, как она успела снять всё. Смотри на оборот.

На обороте графика, в правом нижнем углу, стояла пометка. Той же рукой, что подпись на бумажной полоске, но старше — с другими нажимами, с чужой торопливостью:

«Семь человек не доехали. Дальше снимать нельзя. Отношу Авдеевне».

И ниже, другим цветом ручки, другая рука добавила: **«Маша, я всё спрятала. Не заканчивай. Р.»**.

— «Р», — повторил Пашка.

— Ревзин, — сказала Елена. — В апреле 2019-го Ревзин ещё не был «содержателем баланса» — он только входил в схему. Он знал Марину Дмитриевну. Он видел, что она снимает. И он не выдал её. Он спрятал вместе с ней и вернул пакет — с посланием.

Ольга Павловна стояла у окна и смотрела не в окно, а мимо него.

— Ревзин, — повторила она. — Кира спрашивала меня про «Р» однажды. Я не знала. Она сказала: «Мам, есть человек, который мог всё остановить и не остановил. Но он спрятал. Такие всегда либо спасают, либо готовятся сдать». — Она обернулась. — Вы думаете, он один из них?

— Думаю, что он тот, кто стоял по краю, — ответила Елена. — Такие люди решают поздно. Но решают.

Третий пакет был самым плотным. Внутри — не бумага. Три видеокассеты, старые, мини-атюрные, формата, который сейчас уже не снимают. Елена аккуратно выложила их на стол. На первой было наклеено: «Смена. Котельная». На второй: «Объект №2. Ночь». На третьей — ничего, только дата: 17.06.2019.

За два дня до исчезновения Марины Дмитриевны.

— Это же аналоговые кассеты, — Пашка повертел одну в руках. — Их не проиграть на телефоне. Нужен плеер.

— У Авдеевны был плеер, — тихо сказала Маргарита Львовна. — Он стоял на полке лет пятнадцать. Я его помню. Когда умерла — вещи вынесли и кто-то вынес.

— Кто-то, — повторила Елена и посмотрела на Маргариту Львовну. — Вы помните, кто?

— Помню, как что-то выносили в коробке. Вроде брат Авдеевны мебель забирал... — она чуть пожала плечами, будто сама сомневалась в деталях. — А может, и не брат вовсе — я толком не видела. В тот день я была на похоронах, хватало своих забот. Коробка стояла во дворе — я просто мимо прошла.

Елена открыла блокнот. **Факт:** внутри банки — 18 фото документов, график с 22 фамилиями и пометкой «Р», три видеокассеты, последняя датирована за два дня до исчезновения Марины Дмитриевны. **Версия:** Ревзин помогал Марине Дмитриевне прятать материалы; он знал больше, чем показал три года спустя; кассеты — ключевая запись, возможно, единственное живое видео. **Сомнение:** кассеты нужно проиграть, но плеер исчез; а если кто-то знает про кассеты, то почему банки не тронули четыре года?

Она перечитала последний вопрос — и на секунду запнулась. Потому что ответ был неутешителен: *потому что за банки не охотились. За банки никто не знал. А те, кто знал, — умерли. И кассеты ушли туда, куда уходит мебель после смерти одиноких людей — в подъездный подвал, в гараж, на дачу. И там их либо съела сырость, либо их кто-то нашёл и не открыл.*

— Пашка, — сказала она. — Завтра с утра — к брату Авдеевны. И в подвал дома, и к тем, кто работал в этой управляйке в 2019-м. Кассеты должны найтись. Иначе — всё это цепь без последнего звена.

— А что дальше сегодня?

— Дальше сегодня я еду к Ревзину.

Пашка поднял голову.

— Ты же говорила, что к нему надо идти подготовленной. Что он «содержатель баланса», что с ним надо говорить с ордером и при понятиях.

— Говорила, — Елена застёгивала куртку, попутно собирая в пакет документы. — Но теперь у меня есть его собственное послание: «Не заканчивай». Он не стал никого уведомлять, не выдал ничего напрямую — он всё спрятал. И если в 2019-м у него ещё была совесть, значит, и сейчас она при нём — та самая, нетронутая часть, которую он будто берег, ждал, что кто-то придёт и заберёт её. — Она подняла пакет, крепко удерживая его за ручки. — К тем, кто ждёт, не ходят с ордерами. К ним идут с их же словами.

У двери она обернулась. Ольга Павловна стояла посреди комнаты — маленькая, прямой спиной, — и держала пустую банку двумя руками. Так держат не посуду. Так держат то, что осталось от человека.

— Елена Викторовна, — сказала она. — Скажите честно. Кира живая?

Елена хотела ответить «мы ищем». Хотела ответить «есть все основания полагать». Хотела ответить так, как отвечают при понятиях и под протоколом.

— Живая, — сказала она. — Потому что тот, кто её забрал, до сих пор не оставил следов. Убийцы оставляют. А он не оставил. Значит, он её не убил. Значит, ему нужно, чтобы она молчала. А молчать людей заставляют живыми.

Ольга Павловна кивнула. И впервые за все эти дни — опустила на стул. Не от слабости. От того, что впервые за долгое время было можно.

На улице уже стемнело. Елена шла к машине с пакетом под мышкой и думала о том, как город, весь состоящий из витрин, окон и стёкол, умудряется прятать в отражениях не только лица — но и целые схемы. Целые жизни и списки, вписанные чужой рукой в чужой график, где люди превращались в отметки цвета.

В машине она набрала номер. Телефон на другом конце гудел долго — восемь, девять, десять гудков. Потом сняли. Голос был уставший, ровный, знакомый по старым делам:

— Слушаю.

— Ревзин? Это Мельник, следственный отдел. У меня к вам разговор. Не по телефону.

— Приезжайте, — сказал он наконец. — Я ждал этого разговора четыре года.

Глава 7. Ревзин

Ревзин жил на Луговой — в другом конце города, не там, где Луговая. За четыре года человек, который прячет цифры, переезжает минимум дважды: первый раз — чтобы уйти от памяти, второй — чтобы уйти от привычки. Этот адрес дала Ольга Павловна: «Он звонил мне после похорон Марины. Раз в год, в июне, коротко. „Как вы? Нужны деньги?“ Я клала трубку. А адрес он как-то сам проговорил — я запомнила, потому что он сказал: „Около школы, где мы с Мариной сдавали отчёты“».

Дом был девятиэтажкой поздней постройки, безликой, как конверт без марок. Елена поднялась на шестой этаж и позвонила. Дверь открылась на втором гудке — так открывают те, кто стоял у двери и ждал.

Ревзин оказался невысоким, худым, в очках на лысине — и совсем не таким, каким Елена представляла себе «содержателя баланса». Содержатели баланса бывают солидные. Этот был похож на школьного учителя черчения, который переработал свою жизнь в чужие таблицы.

— Вы из следственного отдела, — сказал он вместо приветствия. Это тоже не был вопрос.

— Мельник Елена Викторовна.

— Знаю. — Он отступил, впуская. — Вы ведёте дело Соболевой Киры. Оно у вас теперь есть?

— Теперь — есть. А четыре года назад у меня его не было, хотя я числилась следователем по нему. Кто-то расписался за меня.

Ревзин провёл её в комнату, где не было ничего лишнего: стол, два стула, книжный шкаф — обычные книги, не папки. Он предложил чай, Елена отказалась. Не из грубости — из расчёта: разговор, к которому готовились обе стороны, лучше вести без кружек в руках.

— Про подпись я не знал, — сказал Ревзин, когда они сели. — Хотя подозревал. В 2019-м закрытие шло слишком быстро. Дела о пропавших не закрывают за семь месяцев. По срокам такие дела не закрывают. Их закрывают за два года и с неохотой. Значит, кто-то расписался за того, кто должен был копать. Я тогда думал — вас просто убрали с дороги. Теперь вижу: подделали.

— Вы знали Марину Дмитриевну.

— Пятнадцать лет. — Он снял очки, протёр их краем свитера — жест, который Елена уже видела у другого человека, в другой главе этой истории, и отметила: у бухгалтеров отточенные привычки одинаковые. — Она вела документы по трём субподрядчикам. Я вёл общую отчётность. Мы встречались по бумагам два раза в месяц. Она была аккуратная до занудства, извините за слово, и упрямая до опасности. Когда в графике начали появляться «переводы на объект №2», она посчитала суммы. И спросила меня в апреле: „Аркадий Семёнович, куда едут люди?“ Я сказал: в командировку. Она сказала: „У нас нет командировок в графике. У нас есть только списание“. — Ревзин надел очки обратно. — Я тогда не ответил. Это был мой первый шаг в то, чем я стал потом. Молчание — это тоже подпись, Елена Викторовна. Просто она ставится не чернилами.

— А потом она начала снимать.

— Потом она стала снимать — тайком, между делом, обычным телефоном. Я об этом знал: она однажды показала мне одну фотографию. Табель, в котором красным были выделены семь фамилий. «Это не списание, — сказала она. — Это люди».

И тогда я произнёс фразу, которая, наверное, потом и спасла мне жизнь: «Унесите это из офиса». Не «прекратите», не «обратитесь в полицию». Я, сотрудник, которому по долгу службы полагалось всё это пресечь, просто сказал женщине: «Унесите».

Ревзин усмехнулся — сухо, без тени веселья.

— До сих пор не пойму: то ли в тот момент впервые проснулась совесть, то ли впервые подступил страх. А может, это вообще одно и то же.

— Вы отнесли пакет Авдеевне. Соседке Марины Дмитриевны.

— Да. Она была моей крёстной. — Ревзин помолчал. — Марина паниковала, не знала, куда класть. Я предложил банку. Мелочь, но безопасно: никто не обыскивает жестяные банки у старухи, у которой в серванте двадцать жестяных банок. Потом Марина исчезла. Потом Авдеевна умерла. И я жил четыре года с мыслью, что пакет всё ещё там, в серванте у мёртвой старухи, — и однажды его выбросят с мебелью на помойку. Или не выбросят. Оба варианта были одинаково невыносимы.

— Почему вы не забрали его сами?

— Потому что за мной, — он произнёс это ровно, без драмы, — следили. С апреля 2019-го — негласно, деликатно, по-доброму: охрана фирмы «случайно» оказывалась рядом, новый знакомый «случайно» узнавал мои маршруты. Мне дали понять: я под колпаком не как подозреваемый. Я под колпаком как собственность. — Он развёл руками. — Забрать пакет — значит признать, что он есть. Признать — значит умереть полезной смертью. Я выбрал жить бесполезной.

Елена открыла блокнот. **Факт:** Ревзин знал о документах Марины Дмитриевны, помогал их прятать, находился под наблюдением с апреля 2019-го. **Версия:** Ревзин — не активный участник схемы, а «удерживаемый свидетель», которого не убирают, потому что его молчание дороже его смерти. **Сомнение:** почему он выжил четыре года — и что он делал эти четыре года, кроме как выживал?

— Что было дальше, Аркадий Семёнович? — спросила она. — Четыре года — это не пауза. Это работа.

Ревзин смотрел на неё поверх очков — долго, как взвешивают: можно ли этому человеку дать больше, чем дал.

— Вы уверены, что хотите знать?

— Я уверена, что не хочу узнавать это из протокола на допросе, когда у вас уже не будет выбора.

Он кивнул. Поднялся, подошёл к книжному шкафу, сдвинул третий ряд книг — за ним, в глубине полки, лежала тонкая тетрадь в клеёночтовой обложке. Школьная. Из тех, что покупают детям в первый класс.

— Каждую неделю, — сказал он, возвращаясь, — я записывал то, что видел. Не в отчёт. В тетрадь. Даты, суммы, фамилии, номера машин. Я знал, что если когда-нибудь придёт следователь — не вы, любой — и спросит по существу, я должен буду ответить не «помню примерно», а «знаю точно». — Он положил тетрадь на стол. — Здесь все за четыре года.

Елена не потянулась к тетради сразу. Она смотрела на него — на этого маленького, усталого человека, который четыре года вёл дневник собственного соучастия, не имея права показать его никому.

— Почему сейчас? Почему не месяц назад, не год назад?

— Потому что месяц назад вы ещё не существовали для меня, — просто сказал Ревзин. — А неделю назад я увидел в городе то, чего не видел четыре года. Синий фургон с царапиной. Он стоял у дома моей бывшей жены, где живёт моя дочь. Тридцать минут. — Он снял очки и положил их на стол. — Я понял: началось. Схема зашевелилась. Значит, кто-то исчезает сейчас — так же, как исчезали тогда. И я выбрал сторону. Поздно, но выбрал.

— Синий фургон с царапиной, — повторила Елена. — Он причастен к исчезновению Киры?

— Не знаю. Я знаю только, что фургон этот я впервые увидел в апреле 2019-го — на объекте №2. Ночью. Он стоял у ворот, и из него выгружали... — Ревзин сделал движение рукой, неопределённое, беспомощное.

— Он не видел людей — только инструменты. Лопаты, ломы, брезент. И канистры — их было много.

Он поднял на неё глаза.

— Тогда не задался вопросом, зачем на ночной стройке лопаты и канистры, если рядом стоит спецтехника. Вопрос пришёл спустя четыре года. Ночью, в тишине, в одиночестве — когда вдруг стало нечем дышать.

В комнате было тихо. Только за окном, далеко, шёл трамвай — и его гул раскатывался по стёклам, отдалённый, ровный, глухой.

Елена взяла тетрадь. Обложка была потёртая, страницы — плотно исписанные, аккуратным бухгалтерским почерком, где даже страшные слова выглядят как проводка. Она открыла на середине и увидела то, что искала: фамилии. Не семь. Не четырнадцать. Двадцать две — те самые, из графика, вырванного из банки. И рядом с каждой — дата «перевода», адрес «нового места» и, для семи, пометка красным карандашом. Одно слово, каждый раз одно и то же.

«Не доехали».

— Аркадий Семёнович, — она подняла голову, глядя прямо на него. — Вы упоминали фургон у дома дочери. А про Киру вам ничего не доводилось слышать? Хотя от кого-нибудь?

— Было одно упоминание, — Ревзин не отрывал взгляда от столешницы. — В среду, за два дня до её исчезновения, позвонил человек из той самой фирмы — тот самый, что ненавязчиво держит меня под присмотром. Сказал так: «Аркадий Семёнович, у мамы девочки обнаружилась банка. Просим не проявлять интерес». Тогда смысл до меня не дошёл. Дошёл позже — и после этого я двое суток глаз не сомкнул.

Он резко поднял глаза, вперив взгляд в Елену.

— Они знали про банку, Елена Викторовна. Всё это время знали. И не тронули её не из-за незнания — напротив. Банка была приманкой. Как и Кира. Как и флешка. Кто-то расставил эти метки по доске и теперь выжидает, кто сделает первый ход — вы или я.

Глава 8. Двойное дно

Гордеев принял её без записи — это было первое и последнее любезное в этом дне. Полковник сидел за столом, на котором не было ни бумаги, ни телефона — только пепельница и зажигалка. Он не курил двадцать лет. Зажигалку он крутил в пальцах, когда обдумывал то, что не готов произнести.

— Закрой дверь, — сказал он.

Елена закрыла. Положила на стол тетрадь Ревзина.

— Что это?

— Четыре года наблюдений человека, который был внутри схемы. Двадцать две фамилии. Семь помечены «не доехали». — Елена села без приглашения. — Владимир Андреевич, прежде чем вы скажете «передайте в область» или «не раздувайте», я хочу, чтобы вы услышали одну вещь. Ревзин дал мне это добровольно. Он готов дать показания. И в этой тетради есть эпизоды, в которых фигурирует наш отдел.

Зажигалка в руках Гордеева остановилась.

— Какие эпизоды?

— Подпись на деле 2019 года. Подделали мою. Рядом — виза согласования, я полагаю, вашей тоже, потому что резолюция вышла через вашу канцелярию. — Елена говорила ровно, потому что иначе было нельзя: если она позволила бы себе дрожь, разговор кончился бы раньше, чем начался. — Я не знаю, что из этого правда: соглашался ли вы вслепую или знали. И я не пришла обвинять. Я пришла предупредить. Если тетрадь пойдёт наверх по обычной цепочке — она умрёт в пути. Как умерло дело четырёхлетней давности.

Гордеев отставил зажигалку. Долго молчал. Потом сказал — тихо, не глядя:

— Три года назад ко мне приходил Бахтин. С папкой о рабочем с набережной. Он сказал: «Семья согласилась, дело закрываем, виза формальность». Я поставил визу не читая. — Он посмотрел на неё. — Не потому, что я был продажный. Потому что я был занят. Я верил, что мой зам контролирует участок, за который сам и отвечает. Елена Викторовна, самое страшное в коррупции — не предатели. Самое страшное — доверие. Оно дешевле предательства и работает лучше.

— Я знаю, — сказала Елена. — Поэтому тетрадь не пойдёт по цепочке. Она пойдёт туда, куда вы скажете, но в копию — в область, напрямую эксперту, минуя всё. Игорь уже снимает сканы. Два комплекта. Один — вам, один — за пределами здания. Выбирайте, какой куда.

Гордеев смотрел на неё так, как смотрят на человека, который загнал тебя в угол и при этом прав.

— Скажи мне, Мельник, — сказал он наконец. — Ты понимаешь, что если это правда, то в отделе могут быть ещё такие, как Бахтин? Что схема не живёт одним человеком?

— Понимаю. Поэтому копию я уже отправила. — Она встала. — Двадцать минут назад.

Копия ушла в область — лично, курьером, которого Пашка взял из знакомых ещё со времён стажировки. Человек не знал, что везёт: пакет был закрыт, опись — обезличенной, «материалы к делу 2023/С». Это была не хитрость — это была гигиена. Елена больше не верила никому, кто проходил мимо её дверей, и это её не веселило.

В четыре часа позвонил Игорь.

— Плохие новости, — сказал он без предисловия, как всегда, когда новости были действительно плохими. — Плеер отыскался, то есть полуплеер.

— Что значит «полуплеер»?

— Брат Авдеевны, Валентин Петрович, живёт в частном доме за рекой. Мы с Пашкой к нему съездили. Коробку с вещами он держит в сарае — не выкинул, говорит, совесть. Плеер там был. — Игорь помолчал. — Кто-то побывал в сарае раньше нас. Замок целый, но из плеера

вынули головку. Аккуратно. Специальным инструментом, судя по следам. Кто-то знал, что кассеты могут всплыть, и обезопасил плеер, оставив его на месте. Чтобы мы нашли железо — но не запись.

Елена сжала трубку. Гигиена. Она только что сама училась этой гигиене — и вот тот же метод смотрел на неё с другого конца. Тот, кто вынул головку, мыслил так же, как она. Он не прятал улику. Он её обезвреживал — так, чтобы та казалась сохранившейся. Убедительнее спрятанного — то, что лежит на виду и не работает.

— Кассеты?

— Кассеты целы. Все три. Валентин Петрович держал их отдельно, в жестяной банке из-под сельди, — старик в своё время тоже смотрел в сервант. Проверить содержимое нельзя: у нас нет рабочего плеера с совместимой головкой. Лаборатория в области обещает к пятнице. Это четыре дня, Елена Викторовна.

— Четыре дня — это много.

— Это не всё. — Голос Игоря стал осторожнее. — Мы пока снимали кассеты как вещдок, я обратил внимание на третью. Ту, что без наклейки, с датой 17.06.2019. Корпус вскрыт. Не заводской — вторично. Внутри, под подмоткой ленты, в картонном вкладыше — бумага, она сложена вчетверо. Лента мы не трогали, документация через криминалиста, но бумагу видно в проём. Я не доставал.

— Что за бумага?

— Не знаю. Но вкладыш положили туда при перезаписи — так делали на студиях, чтобы пометить конец плёнки. Значит, на этой кассете кто-то записывал что-то своё. Поверх осознанно и оставил записку в конце.

Елена посмотрела на часы уже половина пятого. До пятницы оставалось четыре дня, до выходных — три. А вот сколько времени пройдёт, прежде чем кто-нибудь снова заглянет в сарай и серванты, — неизвестно.

— Игорь. Охрану на кассеты — двойную. И никому, слышишь? Даже внутри отдела. Даже мне — только по описи.

— Уже сделано, — сказал он и, помолчав, добавил: — Елена Викторовна. Вы же понимаете, что тот, кто вынул головку из плеера, знает про кассеты. Значит, у него был доступ к бумагам дела 2019 года. Приложение №9 — фотоархив — он же и забрал, небось. Значит, он работал в архиве. Или через архив.

Елена положила трубку и посидела с закрытыми глазами. Возле неё на столе лежала тетрадь Ревзина, и в ней, на странице за мартом 2019 года, была запись, которую она перечитала ещё утром и которая тогда показалась мелочью:

«12.03. Из архива вернули документы по объекту №2 с пометкой „в дело“. Отмечал не я. Канцелярия. Знакомый парень из канцелярии сказал: в пятницу приходил кто-то из верхних, забирал копию графика. Не сказала кто. Парень сам не знал — говорил, „не по чину спрашивать“».

Канцелярия. Отдел, куда имеет доступ каждый и в котором не числится никто. Восьмая клеточка её списка подозреваемых — та, что пустая, — вдруг обрела форму: не фамилия. Должность. Человек без имени, который носит папки и которого не помнят, потому что он всегда рядом с папками.

Она достала блокнот и переписала колонку «Сомнение» заново:

Сомнение: кто имеет доступ к закрытому архиву, к подъездам со свободным входом, к квартирам, которые «охраняет» фирма? Не тот, кто прячется. Тот, кого не замечают.

В шесть вечера у отделения дежурной части стояла машина, которую Елена видела третий раз за неделю: тёмно-серая, аккуратная, с тонировкой, с чистыми номерами региона, который не значился ни в одном запросе. Водителя в машине не было. Она сделала отметку в блокноте

— время, номер, место — и пошла к выходу, уже зная, что в машине сидят так, что изнутри её не видно. Дважды эта машина стояла напротив дома Ревзина. Сегодня — напротив отдела.

Они не пытались напугать — они просто показывали.

Пашка догнал её на крыльце. Он перевёл взгляд с машины на неё — и в его лице не было испуга, только злость.

— Это по твою душу?

— Это по нашу, — сказала Елена. — И это хорошо.

— Хорошо?

— Плохо было бы, если бы они сидели тихо и ждали. Тогда они думают наперёд и у них есть план. А если они катаются мимо моего отдела на одинаковой машине — значит, план кончился, и они перешли к давлению. Давление — это отчаяние, Пашка. У отчаяния всегда короткие руки.

Она села в свою, завела двигатель — и, выезжая с парковки, в зеркале заднего вида увидела, как серая машина тронулась следом. Не прячась. Ровно через полквартала, ровно на той же полосе.

— Пашка, — сказала она в телефон, прижатый к уху, — возьми напарника и до девяти обойди канцелярию. Все, кто дежурил в архиве с марта по июнь 2019-го. — Нужны списки смен и журналы выдачи. Мне важны не лица, а руки: каждый, кто забирал дело, ставил подпись в журнале. И даже если подпись фальшивая — чтобы её распознать, нужно с чем-то сравнить.

— С чем?

— Нужны настоящие подписи всех, кто мог быть в архиве в тот день. В том числе моя. В том числе... — она бросила взгляд в зеркало: серая машина держала дистанцию с безупречной точностью, — в том числе и тех подписей, которых у нас нет в картотеке. Создай живую картотеку: по одному листу на каждого сотрудника канцелярии за последние пять лет.

— Это же человек сорок.

— Это же четырнадцать исчезнувших, — сказала она и сбросила.

Машина за ней шла ровно до самого поворота на Луговую. Там — на перекрёстке, где всегда собираются чужие взгляды и никого не подстерегаешь, — она отстала и растворилась в потоке. Профессионально и демонстративно. Как и положено: показать, что следят, но не показать, куда идти дальше.

Елена остановилась у дома Ревзина — не заходя: просто посидела в машине с выключенным двигателем, глядя на освещённое окно шестого этажа. Окно горело ровно. В квартире работал свет и, судя по силуэту, кто-то ходил от стола к шкафу и обратно. Ревзин не спал. Ревзин считал — как всегда, по-своему, в цифрах, которые не врут.

Она открыла тетрадь на странице с записью от 17.06.2019 — за два дня до исчезновения Марины Дмитриевны, в один день с датой на третьей кассете.

«17.06. Ночь. Объект №2. Синий фургон с царапиной у ворот. Из фургона — брезент, лопаты, канистры. Присутствовали: охрана фирмы, двое неопознанных. Из разговора охраны — слово „старый котлован“. Один из них сказал: „как в прошлый раз, но глубже“. Записал дословно».

Старый котлован. Как в прошлый раз, но глубже.

Она закрыла тетрадь и посмотрела на город — на свой город с его витринами, стёклами и окнами. Теперь она знала, куда смотреть.

Глава 9. Старый котлован

Ночь выдалась сырой, и асфальт на окраине города блестел, как мокрая плёнка: в нём отражались редкие фонари, фары машины и силуэт Елены, которая шла к забору, не глядя под ноги — она смотрела на просвет между листами профнастила. Забор был старый, местами проржавевший, с наклейками и объявлениями, которые никто не срывал уже год. На углу висела табличка: «Территория ООО „СтройРесурс“. Проход запрещён». Ниже — криво дописано маркером: «Снос в 2018».

Пашка стоял у калитки, держал в руке фонарик и смотрел на неё так, будто хотел сказать: «Мы не должны здесь быть». Но не сказал. Потому что оба знали: они уже не там, где «должны». Они там, где «обязаны».

— Игорь прислал координаты, — сказал Пашка, негромко, чтобы голос не разлетелся по пустому кварталу. — Котлован — за котельной. Там раньше была насосная, её разобрали, а яму не засыпали. В отчётах 2017 года она числилась как «временное углубление», в 2019-м — как «планируется засыпка». Дальше — тишина.

Елена кивнула. Она не любила слова «планируется» в отчётах, где дальше — тишина. Это всегда означало, что кто-то решил: пусть останется.

Они прошли вдоль забора, свернули за угол, где профнастил заканчивался, и начиналась сетка-рабица, провисшая и местами порванная. За ней — пустырь, заросший высокой травой, и в центре — тёмное пятно, которое не было тенью. Это была яма. Глубокая, с осыпавшимися краями, с торчащими корнями и кусками бетона.

Елена подошла к краю и посветила вниз. Фонарик выхватил из темноты неровные стенки, осыпавшиеся ступени, ржавую арматуру. И — на дне — что-то, похожее на кусок брезента.

«— *Не трогай*, — сказала она Пашке, когда тот шагнул было вперёд. — *Сначала фото*». Потом — всё остальное.

Пашка достал камеру, сделал серию снимков: общий план, ближний, детали. Елена смотрела не на камеру — на края ямы. Там, где земля осыпалась, были видны свежие следы — не просто осыпавшаяся глина, а чёткие, ровные борозды. Кто-то спускался сюда недавно. И не один раз.

Она присела, провела пальцем по одной из борозд. Земля была влажной, но не от дождя — дождь прошёл два дня назад. Эта влажность была свежей. И рядом — едва заметный след подошвы. Это не сапоги, думаю кроссовки. Размер средний. Протектор — простой, без рисунка, такой носят рабочие, курьеры, люди, которым не нужна обувь для стройки.

— Сюда спускались, — сказала Елена. — И не чтобы посмотреть. Чтобы что-то сделать.

— Или забрать, — добавил Пашка. — Или спрятать.

Елена достала из рюкзака рулетку, измерила ширину ямы. Потом, осторожно, спустилась на несколько ступеней вниз — держась за арматуру, стараясь не наступать на свежие следы. На дне, под куском брезента, лежал пластиковый пакет. Обычный, прозрачный, из супермаркета. Внутри — ничего ценного на первый взгляд: перчатки, моток верёвки, пустая бутылка из-под воды. Но на бутылке — наклейка. И на наклейке — дата: позавчера.

Елена сфотографировала бутылку, потом подняла её — не за горлышко, а за бок, через перчатку. На пластике могли остаться отпечатки. Но она не надеялась на отпечатки. Она надеялась на другое: на то, что человек, который оставил бутылку, не думал, что сюда придут. А если думал — то оставил её специально. Как метку. Как приглашение.

— Пашка, — тихо сказала она, — позвони Игорю. Пусть берёт группу. И пусть не говорит, куда. Только: «котлован за бывшей котельной, срочно».

Пашка кивнул и отошёл в сторону, чтобы говорить тише. Елена осталась у ямы, смотрела вниз и думала о том, что котлован — это не просто яма. Это пауза в земле. Место, где время

останавливается, потому что никто не хочет его заполнять. И если сюда приходят, то не для того, чтобы смотреть на небо.

Из темноты, с другой стороны котлована, донёсся звук. Тихий, но отчётливый — хруст ветки. Елена замерла. Пашка обернулся, поднял голову, но ничего не увидел.

— Ты слышал? — прошептала она.

— Слышал, — ответил он, и голос у него стал другим — собранным, жёстким. — Там кто-то есть.

Елена медленно поднялась по ступеням, стараясь не шуметь. Наверху она встала за углом забора, прижалась к металлу. Пашка встал напротив, держа фонарик так, чтобы свет не бил в глаза, но освещал пространство.

Снова хруст. И — шорох. Кто-то шёл по траве, осторожно, но не бесшумно. Потом — силуэт. Человек в тёмной куртке, с капюшоном, низко надвинутым на лицо. Он остановился у края котлована, посмотрел вниз, потом — в сторону, где стояли Елена и Пашка.

На секунду их взгляды встретились. Елена не успела ничего сделать — человек резко развернулся и побежал. Не к дороге, а в сторону гаражей, в темноту, где не было фонарей.

— Стой! — крикнул Пашка и бросился следом.

Елена хотела крикнуть «не гонись», но не успела. Пашка уже мчался по траве, споткнулся о корень, но удержался на ногах и исчез за углом.

Елена осталась одна у котлована. Она смотрела на следы, на бутылку, на брезент — и понимала, что всё это не случайность. Кто-то приходил сюда не просто так. Кто-то знал, что котлован существует. Кто-то знал, что он может пригодиться.

Через пять минут Пашка вернулся. Он тяжело дышал, лицо было мокрым от пота и дождя.

— Ушёл, — сказал он. — Я добежал до гаражей, там тупик. Он где-то нырнул. Или у него там машина.

Елена кивнула. Она не злилась. И знала: в таких делах первый беглец — это не цель. Это указатель.

— Значит, он здесь был недавно, — сказала она. — И он знал, что мы придём. Или надеялся, что придём.

Пашка посмотрел на неё.

— Ты думаешь, это ловушка?

— Думаю, это проверка, — ответила Елена. — Они проверяют, насколько мы близки, готовы и способны видеть не только то, что лежит на поверхности, но и то, что скрыто под ней.

Пока ждали группу, Елена достала тетрадь Ревзина и открыла на странице с записью от 17.06.2019.

«17.06. Ночь. Объект №2. Синий фургон с царапиной у ворот. Из фургона — брезент, лопаты, канистры. Присутствовали: охрана фирмы, двое неопознанных. Из разговора охраны — слово „старый котлован“. Один из них сказал: „как в прошлый раз, но глубже“».

«Как в прошлый раз, но глубже».

Елена посмотрела на яму. Глубокая. Осыпавшиеся края. Свежие следы. И бутылка с датой «позавчера».

Она закрыла тетрадь и подняла голову. Над городом висело тёмное небо, и где-то далеко мигал огонёк — то ли самолёт, то ли вышка. Город жил своей жизнью, не зная, что в одном из его углов кто-то копает ямы и оставляет бутылки.

Когда приехала группа, Игорь первым делом осмотрел бутылку.

— Дата свежая, — сказал он, держа её в перчатках. — И протектор на земле — совпадает с тем, что бывает у дешёвых кроссовок. Мы можем снять слепок. И проверить камеры вокруг гаражей.

— Проверь, — сказала Елена. — Но я не думаю, что на камерах будет лицо. Думаю, он знал про камеры.

Игорь кивнул и ушёл к машине, чтобы вызвать лабораторию. Пашка стоял рядом, смотрел на котлован и молчал.

— О чём думаешь? — спросила Елена.

— Думаю о том, — ответил он, — что если котлован — это «как в прошлый раз», то прошлый раз — это не просто яма. Это место, где что-то закончилось. И началось.

Елена посмотрела на него. В его словах была правда, которую она не хотела признавать.

— Да, — сказала она тихо. — Это место, где что-то закончилось. Но теперь мы знаем, где искать начало.

В отделе, уже под утро, Елена села за стол и открыла блокнот. **Факт:** котлован использовался в 2019 году; в 2023 году там появились свежие следы и вещи; человек, который был у котлована, убежал при виде полиции; бутылка с датой указывает на недавнее присутствие. **Версия:** котлован — это место хранения или утилизации улики; человек, который там был, либо прятал что-то, либо проверял, не нашли ли. **Сомнение:** почему именно сейчас? Почему не раньше?

Она написала ещё одну строку:

«Тот, кто оставил бутылку, хотел, чтобы мы её нашли. Значит, он хочет, чтобы мы думали в этом направлении. Значит, есть что-то ещё — в другом».

И под этой строкой — ещё одну:

«Канцелярия. Подписи. Кто мог знать про котлован? Кто мог знать, что мы придём?»

Глава 10. Подписи и голоса

Утро в отделе пахло кофе и старой бумагой — запах, который Елена терпеть не могла, потому что он означал: кто-то снова копается в делах, которые должны были лежать нетронутыми. На её столе уже ждали три папки: одна — с журналами выдачи архива за 2019 год, вторая — с образцами подписей сотрудников канцелярии, третья — тонкая, почти пустая — с пометками Игоря по камерам у гаражей.

Пашка сидел напротив, тёр глаза и держал в руках распечатку — список смен за апрель–июнь 2019-го.

— Тут сорок семь человек, — сказал он. — И это только те, кто официально числился в канцелярии. А сколько было стажёров, практикантов, «помощников на полдня» — никто не считал.

— Считаем тех, кто подписывал, — ответила Елена. — В журнале выдачи есть графа «подпись ответственного». Если человек брал дело — он должен был расписаться. Значит, у нас есть цепочка: кто, когда и какое дело брал.

— И мы ищем несоответствие, — Пашка кивнул. — Подпись есть, а человека в списке смен нет. Или подпись есть, а в этот день он был в отпуске.

Елена открыла журнал. Страницы были пожелтевшие, с въевшимися пятнами от пальцев, будто их листали слишком часто и слишком небрежно. Она провела пальцем по строкам, пока не остановилась на записи от 15 июня 2019 года: «Дело №217/С, объект №2, выдача на ознакомление. Подпись: [неразборчиво]». Рядом — штамп: «Срок возврата — 16.06.2019».

— Вот, — сказала она, постучав ногтем по подписи. — Посмотри на наклон. И на петлю в букве «Р». Она не такая, как у остальных. У остальных — аккуратная, округлая. Здесь — резкая, будто человек торопился или не хотел, чтобы его узнали.

Пашка подвинул к себе образец подписей и начал сравнивать. Через минуту он поднял голову.

— Ни у кого нет такой петли. Ни у постоянных, ни у стажёров. Даже у того парня, который вечно забывал ставить дату — у него почерк ровный, как линейка. А это... — он постучал по журналу, — это человек, который не привык расписываться в журналах.

— Или не хотел, чтобы его подпись запомнили, — добавила Елена. — Значит, он знал, что эти журналы будут проверять.

Она достала из папки ещё один лист — фото с камер у гаражей, снятое позавчера. На нём был тот самый силуэт в тёмной куртке, что мелькнул у котлована. Лицо не разглядеть — капюшон и тень. Но в кадре была рука, вытянутая к забору — и на запястье, едва заметно, тонкая полоска. Браслет? Шрам? Или след от наручных часов, которые носят не на виду, а под рукавом?

— Игорь прислал, — сказал Пашка. — Говорит, что на других камерах этого человека нет. Он появляется только там, где нет обзора. Как будто знает, где слепые зоны.

Елена посмотрела на подпись, потом на фото. В её голове начало складываться что-то неприятное, как пазл, который не хочет собираться, но всё равно обретает очертания.

— Человек, который знает слепые зоны камер, — тихо сказала она. — Человек, который умеет не оставлять следов. И человек, который расписался в журнале архива, хотя его не должно было там быть. Это один и тот же человек.

В это же время в лаборатории области заканчивали подготовку к прослушиванию третьей кассеты. Игорь стоял у стола, рядом с техником — невысоким мужчиной в очках, который держал в руках переходник и смотрел на кассету так, будто она могла взорваться.

— Это старый формат, — сказал техник. — Мы перегнали сигнал на цифровую ленту, но качество... ну, вы понимаете. Шум, треск, обрывки. Но голос разобрать можно.

Игорь кивнул. Он не любил старые кассеты — они всегда хранили не то, что хотели, а то, что осталось.

Техник нажал кнопку. Из колонок донёлся треск, потом — голос. Женский, тихий, торопливый, будто говорили вполголоса, чтобы никто не услышал.

«...не могу больше хранить это у себя. Они знают, что я снимаю. Сегодня я отнесу всё Авдеевне. Пусть лежит в банке, пусть никто не найдёт. Если со мной что-то случится — пусть Елена знает. Только она... только она поймёт, что это не просто цифры...»

Голос оборвался на полуслове, потом снова пошёл — уже другой, мужской, резкий, будто кто-то вырвал микрофон.

«Ты с ума сошла! Ты понимаешь, что делаешь? Они не прощают таких вещей!»

«Я понимаю. Но я не могу молчать. Семь человек, Аркадий, семь! Они не уехали в командировку, они...»

Снова треск. И тишина.

Игорь посмотрел на техника. Тот пожал плечами.

— Дальше — шум. Потом ещё один кусок, секунд десять.

Он снова нажал кнопку.

На этот раз голос был другой — спокойный, почти равнодушный, но от этого ещё более пугающий.

«Всё под контролем. Никто ничего не узнает. Ты сделала ошибку, но я её исправлю. Просто не мешай. И не ищи. Если начнёшь искать — будет хуже».

Игорь записал время: 03:17–03:22. И имя: «Аркадий» — это Ревзин. А второй голос... он его не узнал.

Елена тем временем листала тетрадь Ревзина, пока не нашла нужную запись — от 15 июня 2019 года.

«15.06. Вечером Марина пришла ко мне. Сказала: „Я всё отдала Авдеевне“. Я спросил: „Ты уверена?“ Она сказала: „Нет. Но у меня нет выбора“. Потом она ушла. А через час мне позвонили и сказали: „Не вмешивайся. Это уже не твоё дело“».

Елена закрыла тетрадь и посмотрела на Пашку.

— 15 июня, — сказала она. — В этот день кто-то брал дело №217/С из архива. В этот день Марина отдала документы Авдеевне. И в этот день Ревзину сказали «не вмешивайся».

Пашка кивнул.

— Значит, тот, кто расписался в журнале, — тот, кто знал, что документы ушли к Авдеевне. Тот, кто следил за Мариной. И тот, кто был в курсе всех дел.

— Тот, кто мог знать про котлован, — добавила Елена. — Тот, кто мог знать, что мы придём.

Она встала, взяла со стола папку с образцами подписей и открыла последнюю страницу. Там, в углу, была приписка от руки: «Список лиц, имевших доступ к закрытым делам по объекту №2». И в этом списке — одна фамилия, которую она не ожидала увидеть.

Фамилия стояла рядом с пометкой: «внештатный консультант, допуск по распоряжению руководства». И подпись — та самая, с резкой петлёй в букве «Р».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.